

DOI: [10.14515/monitoring.2022.5.2054](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2054)

Н. П. Космарская

ИЗУЧЕНИЕ НИЗОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МИГРАНТАХ В РОССИИ И ЕВРОПЕ: МЕТОДЫ, КОНЦЕПТЫ, ЛОКАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ

Правильная ссылка на статью:

Космарская Н. П. Изучение низовых представлений о мигрантах в России и Европе: методы, концепты, локальные контексты // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5. С. 26—48. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2054>.

For citation:

Kosmarskaya N. P. (2022) Research on Popular Perception of Migrants in Russia and in Europe: Methods, Concepts, Local Contexts (A Review). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 26–48. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2054>. (In Russ.)

Получено: 28.08.2021. Принято к публикации: 02.10.2022.

ИЗУЧЕНИЕ НИЗОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МИГРАНТАХ В РОССИИ И ЕВРОПЕ: МЕТОДЫ, КОНЦЕПТЫ, ЛОКАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ

КОСМАРСКАЯ Наталья Петровна — старший научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия
E-MAIL: natkos2003@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0122-3375>

Аннотация. Научно-обзорная статья посвящена сравнительному анализу массивов западных и отечественных работ об отношении принимающего населения к мигрантам в России и ЕС. На основе сравнения данных Европейского социального исследования (ESS) делается вывод, что на фоне стран Западной и в особенности Восточной Европы Россия не выглядит страной, уникальной с точки зрения масштабов мигрантофобии. По мнению автора, более важной задачей, чем сопоставление цифр, является анализ факторов, провоцирующих или усиливающих мигрантофобию в различных социальных контекстах.

В работе обращается особое внимание на познавательный потенциал качественных методов при изучении причин и проявлений негативизма по отношению к мигрантам, а также при анализе его локальных особенностей. На примере исследований в Германии и Великобритании, проведенных на микроуровне, показаны результаты применения в данном проблемном поле ряда концептов (имидж места, контактная гипотеза, реакция на разнообразие и др.), а также возможности приложения этих концептов к миграционной ситуации в различных российских городах.

RESEARCH ON POPULAR PERCEPTION OF MIGRANTS IN RUSSIA AND IN EUROPE: METHODS, CONCEPTS, LOCAL CONTEXTS (A REVIEW)

*Natalya P. KOSMARSKAYA*¹ — Senior Research Fellow
E-MAIL: natkos2003@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0122-3375>

¹ Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of Western and Russian academic studies on the attitude of the host population towards migrants in Russia and the EU. Based on a comparison of data from the European Social Survey (ESS), it is concluded that against the backdrop of the countries of Western and especially Eastern Europe, Russia does not look like a country that is unique in terms of the scale of xenophobia. According to the author, comparing numbers with regard to these processes might be less informative than analyzing the factors that provoke or aggravate migrant-phobia in various social contexts.

The paper draws special attention to the explanatory potential of qualitative methods in the study of the causes and manifestations of negativism in relation to migrants, as well as in the analysis of its local features. On the example of studies in Germany and the UK, conducted at the micro level, the author shows the results of applying several concepts in this thematic field (place image, contact hypothesis, response to diversity, etc.) and discusses the possibilities of applying these concepts to the migration situation in various Russian cities.

Ключевые слова: отношение к мигрантам, сравнительный анализ, методы изучения, причины антимиграционных настроений, локальная специфика восприятия мигрантов

Keywords: perception of migrants, comparative analysis, methods of research, anti-migrant sentiment, local specifics of attitudes towards migrants

Благодарность. Научно-обзорная статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-111-50532 (программа «Экспансия»).

Acknowledgments. Preparation of the review article was funded by RFBR, project No. 20-111-50532 (program «Expansion»).

В западной литературе, в частности, написанной на материалах европейских стран (они ближе к России по характеру въездных потоков, чем «иммиграционные общества» Нового Света)¹, восприятие иноэтничных мигрантов местными жителями на протяжении последних десятилетий привлекает неослабевающее внимание ученых. Правда, трудностям социально-культурной интеграции мигрантов в новых местах обитания посвящается гораздо больше работ в сравнении с теми, где анализируется отношение к мигрантам принимающего населения (видимо, из-за гуманитарно-правовой составляющей и социальной значимости процесса адаптации). Так, в ведущих западных журналах по проблемам этничности и миграции — *Ethnic and Migration Studies* (20 номеров ежегодно в последние годы, ранее — 16), *Ethnic and Racial Studies* (16 номеров), — по нашей оценке, лишь около 15—20% публикуемых статей, кроме небольшого числа теоретических, посвящены не самим мигрантам, а тому, как к ним относятся в отдельной стране или группе стран. Но в целом статей по данной тематике очень много, если учесть, что каждая из них заканчивается солидным списком ссылок на предшествующие работы.

Аналогичный разрыв существует и в России. На фоне растущего числа научных (а не публицистических) работ о различных аспектах жизни мигрантов (впрочем, на наш взгляд, таких работ все еще недостаточно, что контрастирует с социально-экономической и этнокультурной значимостью проблемы трудовой миграции для современной России), попыток взглянуть на эту проблему глазами принимающего населения пока гораздо меньше.

Такого рода публикации, как нам представляется, можно разделить на две группы. На исследовательском поле, связанном с восприятием миграции в России, обращают на себя внимание работы полемически-концептуального плана², увидевшие свет в основном в 2000-х и 2010-х годах. В этих работах анализировались и критиковались с позиций конструктивизма распространенные в российском обществе дискурсивные практики, носящие алармистский характер (дискурсы

¹ Несмотря на пополнение населения европейских стран значительным числом беженцев (в последние годы), общим для двух территорий является приток иноэтничных трудовых мигрантов с бывших территорий имперского освоения (для России это постсоветские страны) на фоне сходных социально-демографических трендов (постарение населения и нехватка рабочей силы).

² См., например: [Расизм в языке..., 2002; Малахов, 2007; Шнирельман, 2008; Регамэ, 2010; Расизм, ксенофобия..., 2013].

«этнокультурной безопасности», «территориального этнического баланса», «этнической преступности»³) и способствующие тем самым культурализации и этнизации социальных отношений, а следовательно, росту этнофобии и мигрантофобии среди населения.

В публикациях этого типа российские ученые нередко обращались к зарубежному опыту, но не к западным конкретно-социологическим исследованиям. Их внимание привлекали особенности производства этнически «нагруженных» дискурсов и то, как власти и различные сегменты гражданского общества западных стран противодействуют дискурсивным и реальным практикам дискриминации иноэтничных мигрантов [Толерантность против ксенофобии... 2005; статьи А. Осипова и В. Малахова в: Расизм, ксенофобия... 2013]. В этом же ряду отметим работы, посвященные сравнительному анализу навеянных проблемой миграции дискурсов, производимых интеллектуалами в процессе переосмысления национальной идентичности в России и Европе [статья Е. Филипповой в: Миграция и мигранты... 2016, Фабрикант, 2017].

Другая группа публикаций — собственно эмпирические изыскания, проводимые количественными методами. Известные центры по изучению общественного мнения (ВЦИОМ, Левада-Центр⁴, РОМИР и др.) периодически проводят опросы по репрезентативным выборкам, касающиеся отношения россиян к миграции и мигрантам. Полученные «проценты» затем комментируются в печатных и электронных СМИ, в социальных сетях, в том числе и учеными. Нас же будут интересовать ситуации, когда официальные или же проведенные коллективами авторов или отдельными учеными опросы общероссийского/регионального уровня анализируются в сугубо научных публикациях. Такого рода текстов в целом немного, но в последние годы стало больше [Гудков, 2007; Миграция и мигранты в России... 2016; Мукомель, 2014, 2017; Бритвина, Могильчак, 2018; Полетаев, 2018; Филькина, Булатова, 2019].

Среди этих публикаций, при всей их познавательной и научной ценности, практически нет работ, в которых в компаративистских или аналитических целях использовался бы зарубежный опыт изучения отношения публики к миграции, применяемые там концептуальные подходы к объяснению причин тех или иных общественных настроений. Тексты написаны в значительном отрыве от того, что делается в данной сфере в европейской науке. Ссылки на работы западных ученых в них, по нашим наблюдениям, довольно малочисленны, к тому же они сводятся в основном к классическим переводным монографиям или же бегло, для пополнения списка, упоминается несколько публикаций без аналитически-фактологического включения в «ткань» повествования. На наш взгляд, это приводит к теоретико-методологическому и познавательному обеднению российских интерпретаций проблемы мигрантофобии. Даже появившиеся в последние годы западные статьи, прицельно посвященные поиску общего и особенного в восприятии миграции россиянами и европейцами, насколько мы можем судить, остались без внимания российских исследователей (см. ниже).

³ Подробнее о подобных распространенных в России дискурсивных практиках см., например: [Зверева, 2014].

⁴ Российское юридическое лицо, признанное выполняющим функции «иностранный агента».

Целью предлагаемой научно-обзорной статьи является сравнительный анализ массивов западных и отечественных работ об отношении принимающего населения к мигрантам в России и в европейских странах. Это, возможно, помогло бы нашим ученым увидеть новые направления исследований; оценить применимость к российским реалиям используемых там концепций и методов; прояснить те аспекты темы, по которым могут или, напротив, не могут осуществляться продуктивные сравнения; окинуть свежим взглядом набор предлагаемых в Европе социально-политических и организационно-практических решений по снижению уровня мигрантофобии.

Сразу хотелось бы очертить некоторые границы изучаемого тематического поля. Речь идет о массивах текстов, в которых изучаются настроения обычных граждан. За скобками остается тематика, связанная с позицией СМИ, с баталиями по поводу мер миграционной политики и вообще все «верхушечные» дискурсы, а также отношение к миграции особых сегментов общества (футбольных фанатов, молодежных экстремистских группировок и пр.).

В западных текстах изучается отношение именно к (внешней) миграции. Наиболее распространенные терминологические клише, повторяющиеся и в текстах, и в названиях статей — *anti-migrant sentiments*, *attitudes towards (im)migration*, *opposition to immigration* и пр., при этом синонимами терминов «миграция», «мигранты» выступают «мусульмане» (*Muslims*) и «этнические меньшинства» (*ethnic minorities*).

Между тем в России, с ее исторически обусловленной «многонациональностью», проживают представители многих автохтонных меньшинств, включая мусульман. Поэтому термины «(им)мигранты» и «этнические меньшинства» не могут считаться синонимами. Многие российские публикации (созданные в том числе и до наступления периода активной трудовой миграции), посвященные изучению «межэтнических отношений», «межэтнической напряженности» с помощью опросов и социально-психологических методов, выходят за рамки тематики предлагаемой статьи. Мы сосредоточимся на российских текстах об отношении россиян к тем, кого массовое сознание воспринимает в качестве «видимых других» [Дробижева, 2015]. Это не только внешние трудовые мигранты, прибывшие из стран Закавказья и Центральной Азии, но и внутренние — выходцы из республик Северного Кавказа⁵.

Наконец, ввиду большого числа европейских публикаций по восприятию мигрантов местным населением выбор текстов для включения в обзор неизбежно отражает исследовательский опыт и методологические предпочтения автора.

Где сильнее всего не любят мигрантов? Попытка сопоставления России и Европы

Находясь «внутри» российского дискурса о миграции и мигрантах, создается (по крайней мере, это опыт автора статьи) прочное ощущение исключительности российской ситуации со знаком «минус». Подобное восприятие распространено,

⁵ Дело в том, что принимающее население России нередко включает в категорию «мигрантов» не только людей, прибывших из Закавказья и Центральной Азии, но и российских граждан, визуально отличных от большинства [Аблажей, 2012: 21, 22; Зверева, 2014].

на наш взгляд, и среди россиян, не связанных профессионально с изучением миграции. Однако после нашего знакомства в течение ряда лет с научными публикациями об отношении к миграции в развитых государствах напрашивается вывод, что Россия вряд ли будет выглядеть «белой вороной» в компании других стран (по крайней мере, единственной или особенной «белой вороной»).

Работая над статьей, в виде блиц-эксперимента автор спросила пятерых коллег-гуманитариев, далеких от миграционных сюжетов, о какой стране идет речь в следующих цитатах, касающихся двух ключевых социальных «страшилок», связанных с миграцией: «Граждане имеют склонность переоценивать численность родившихся за пределами страны людей, хотя самые гипертрофированные оценки присущи индивидам, уязвимым с социально-экономической точки зрения». И вторая цитата: «...существует распространенное мнение, что мигранты диспропорционально несут ответственность за совершенные преступления; по этой причине принимаются новые законы, которые минимально влияют на уровень преступности, но при этом подавляют права и свободы мигрантов. Отсюда необходимо стремиться к тому, чтобы мнения людей основывались на фактах, а не на дезинформации и ложных послылках». Все дружно ответили, что, естественно, речь идет о современной России.

На самом же деле первая цитата начинается со слов «во всех странах без исключения». Она взята из вступительной статьи к специальному номеру журнала *Journal of Ethnic and Migration Studies*, посвященного отношению к иммигрантам в Европе, а «под всеми странами» имеются в виду страны (21), в которых проходила седьмая волна Европейского социального обследования (ESS) 2014—2015 гг.⁶ [Heath et al., 2020: 482]. Вторая же цитата начинается со слов «во многих странах» и почерпнута из статьи, содержащей сравнительный анализ отношения к трудовым мигрантам «во всем мире» [Tunon, Baruah, 2012: 151].

При чтении западных публикаций обращает на себя внимание спокойно-отстраненный тон, показывающий читателю, что речь идет об обычных, рутинных вещах: «Если иммиграция не останавливается, конфликты и проблемы интеграции, возникающие между иностранцами и местными жителями, никуда не денутся. Эти проблемы нужно рассматривать как „нормальные“ проблемы открытого общества и не драматизировать их» [Böltken, 2003: 253]. В качестве контрастного примера из российской академической практики сошлюсь на собственный опыт. Название статьи, недавно предложенной мной и коллегами одному из российских журналов, заканчивалось словами «...в контексте ксенофобии». Рецензент посоветовал убрать эти слова из названия, поскольку они настраивают читателей на «негативное» и, возможно, ксенофобия в рамках изучаемых явлений вообще не наблюдается. В западных же научных журналах без стеснения называют вещи своими именами, а авторы, рецензенты и читатели являются в первую очередь профессионалами, нацеленными на то, чтобы тщательно изучить этот «негативизм» всеми возможными способами во всех возможных деталях и направлениях.

⁶ Это одно из наиболее авторитетных исследований (с точки зрения методологии и компаративистского потенциала) общественного мнения среди европейцев от 15 лет и старше. Оно регулярно проводится более чем в двух десятках стран. Значительная часть англоязычных публикаций о восприятии европейцами миграции используют в качестве эмпирической базы данные «иммиграционных модулей» различных волн ESS (подробнее об исследовании см.: [Heath et al., 2020: 476—478; Piekut, 2021: 1144—1145]).

С политико-психологической точки зрения активное введение в российский научный оборот современных западных публикаций могло бы способствовать, на мой взгляд, рационализации подхода к проблемам мигрантофобии в России и преодолению зацикленности на собственных бедах.

С научной же точки зрения более важен вопрос о количественных параметрах распространенности мигрантофобии в России и Европе, тем более что существует возможность провести сравнения на сопоставимых данных одного обследования [Арутюнова, 2008]. Речь идет, в частности, о раунде ESS 2006 г., в котором участвовала и Россия (2500 человек). Вопросы, касающиеся миграции, в рамках ESS базируются в том числе на сюжете об отношении принимающего населения к приезду людей разных национальностей из стран разного уровня развития и пр. на постоянное жительство. Закрытия четырех видов варьируют от «позволить приезжать многим» (*allow many*), «разрешить некоторым» (*allow some*) до «разрешить немногим» (*allow few*) и «никому не разрешать» (*allow none*).

В вопросе об отношении респондентов к переезду в страну людей, отличающихся по этнической/расовой принадлежности от большинства населения, по поддержке наиболее негативно-бескомпромиссной позиции «*allow none*» Россия (27,6%) оказалась в компании с Венгрией (39,4%), Кипром (29,4%), Португалией (29,9%), а также Болгарией (23,6%) и Эстонией (23,5%). Как отмечается в статье, в группу стран с наибольшим уровнем негативизма попали постсоциалистические или небогатые западноевропейские страны, «с постконфликтной ситуацией или с высоким уровнем социального напряжения» [там же: 68]. Поддержка немногим более мягкой, но тоже «негостеприимной» позиции «*allow few*» была весьма высока и в странах Западной Европы (например, 45,2% в Австрии, 38,8% в Дании, 49,5% в Финляндии, 38,5% в Нидерландах и т. д.) [там же: 67].

Сравним эти данные с ответами на близкие по смыслу и использующие те же закрытия вопросы раунда ESS 2015 г. В статье с красноречивым названием «Я не разделяю расистские и ксенофобные взгляды, но...» [Marfouk, 2019] рассматривается отношение жителей 20 стран Европы к въезду не просто людей иной расовой/национальной принадлежности, а конкретно мусульман. Это одно из дополнений 2015 г. к «иммиграционному блоку» анкеты⁷.

Подавляющее большинство европейцев, заключает автор, высказались за ограничения въезда мусульман в их страны (сумма выбравших опцию «*allow none*» и «*allow few*»). В некоторых странах доля респондентов, выбравших первую из них, существенно выше среднеевропейского уровня (54% в Чехии, 51% в Венгрии, 42% в Эстонии, 34% в Литве, по 33% в Польше и Португалии). Доля сторонников самой ограничительной позиции в ряде стран Западной Европы выросла (разница с данными 2006 г. на 6—13 процентных пунктов) [Арутюнова, 2008: 67; Marfouk, 2019: 1750]. Правда, нельзя с уверенностью сказать, связано это с численностью недовольных въездом именно мусульман в 2015 г. или же с динамикой отношения к въезду любых этнических «других» с 2006 по 2015 г.

Оценивая анализируемые данные, А. Марфук отмечает, что они, скорее всего, занижают масштабы исламофобии в Европе по двум причинам. Во-первых, иссле-

⁷ Россиянам этот вопрос не задавался.

дование 2014—2015 гг. прошло до террористических атак исламистов на жителей европейских городов (Париж, Ницца, Брюссель и др.). Во-вторых, по мнению этого автора, нужно учитывать порядок появления в анкете вопросов об отношении респондентов к переселению в их страны представителей разных этнических групп (влияние социально приемлемой нормы) [Marfouk, 2019: 1752]⁸.

На наш взгляд, приведенные данные говорят в целом о весьма высоком уровне мигрантофобии в европейских странах (что, собственно, и объясняет неугасающую актуальность темы и интерес к ней ученых), а также о том, что Россия, вполне вписываясь в эту картину, не выглядит страной, уникальной по части неприятия иноэтничных мигрантов. Но не более. Вряд ли стоит абсолютизировать эти числа, пусть даже они являются результатом авторитетных репрезентативных исследований. Каждая страна имеет свою специфику, которая слабо улавливается массовыми опросами, нацеленными прежде всего на поиск «общего», а не «особенного». Жители государств с похожей судьбой (постсоциалистические) и даже очень близких по историко-культурному профилю могут демонстрировать сильно различающиеся реакции на приезд в страну этнических «других». Специфика стран проявляется и в разной динамике степени неприятия иммиграции, связанной в том числе и с прохождением стадий миграционного цикла. На наш взгляд, «магией цифр» не следует увлекаться также из-за специфики опросных методик. Это, например, влияние на процент недовольных миграцией порядка появления вопросов в анкете (см. выше) или их формулировок.

Значимость этих соображений демонстрирует статья А. Городзейски о численных показателях и причинах негативного отношения россиян к миграции [Gorodzeisky, 2019]. Опираясь на результаты нескольких раундов ESS, с теми же вопросами об отношении к приезду в страну людей иной этнической/расовой принадлежности, автор приходит к выводам, сформулированным в весьма алармистском ключе. По ее мнению, следует говорить об «очень высокой» (*very high*), «исключительно высокой» (*extremely high*) степени неприятия россиянами иммиграции [ibid.: 219]. Действительно, судя по сравнительным данным ESS, в 2016 г. Россию превосходила по масштабам выбора опции «*allow none*» только Чехия [ibid.: 217]. Однако возникает вопрос: будет ли такой же почти «экстремальной» оценка отношения россиян к иммиграции, если учесть также выбор европейцами опции «*allow few*», не очень сильно отличной по смыслу от «*allow none*»? Как показывают вышеприведенные данные, в 2006 г. доля приверженцев такого выбора среди жителей стран не только Восточной, но и Западной Европы была весьма высокой.

Можно ли считать, что с тех пор доля противников иноэтничной иммиграции в Европе заметно снизилась? Скорее, нет. Эту динамику постоянно отслеживают ученые. В частности, Е. Рустенбах отмечает, что в первое десятилетие нового века в Европе «...антимигрантские настроения местного населения, судя по всему, усилились, о чем свидетельствует возрастающая поддержка настроенных против миграции политических партий» [Rustenbach, 2010: 54; см. также 53]. Судя

⁸ В более широком ключе проблему влияния социально приемлемых норм на ответы респондентов при массовых опросах поднимают и другие исследователи (см., например: [Stefanizzi, Manzi, 2019]). А. Пекут прямо указывает на то, что смещение в результатах, вызванное воздействием этих норм на людей при ответах на чувствительные вопросы (*social desirability bias*), возрастает в условиях персонального анкетирования (таковы как раз опросы в рамках ESS) [Piekut, 2021: 1140].

по данным ряда авторов, процесс развивается волнообразно [Semyonov, Rajjman, Gorodzeisky, 2006; Böltken, 2003], но миграционный кризис в Европе середины последнего десятилетия вряд ли способствовал откату «волны».

А. Городзейски основывает свои выводы также на данных ESS, рисующих поступательный рост антимиграционных установок россиян с 2006 по 2016 г. [Gorodzeisky, 2019: 215—216]. Однако, если обратиться к общероссийским опросам, проводимым ведущими центрами, известен по меньшей мере один период заметного спада негативизма россиян по отношению к мигрантам в период с 2014 по 2016 г. [Мукомель, 2017: 33]. Причем, как отмечает автор, хотя ряд факторов такого снижения носят конъюнктурный характер, один из них имеет долговременную природу — это привыкание населения к присутствию мигрантов⁹ [там же: 34].

Как объяснить такого рода несоответствия в результатах опросов? Важную подсказку дает сама А. Городзейски — подсказку, которая привлекает наше внимание к воздействию на результаты формулировок вопросов и вызываемых ими ассоциаций. Она, в частности, предлагает разграничивать отношение к иммиграции и к иммигрантам: «Первое не только касается восприятия мигрантов, но и фиксирует мнение о миграционной политике, осуществляемой государством» [Gorodzeisky, 2019: 207]. Данные, которыми оперирует автор, фиксируют именно «отношение к иммиграции».

О возможном эффекте ассоциирующейся с «политикой» формулировки вопросов пишут ученые из Финляндии, изучавшие социальную дистанцию между жителями различных районов г. Турку и мигрантами (с помощью шкалы Э. Богардуса) [Leino, Himmelroos, 2020]. Им понадобилось объяснить «удивительный», по их словам, результат, который не соответствовал закономерностям функционирования шкалы — а именно, была выявлена бóльшая готовность принять мигрантов в качестве соседей и членов своей семьи, нежели в качестве жителей Финляндии. Они обратили внимание на то, что вопрос анкеты звучал как предложение оценить политику свободного въезда в страну, в то время как правая партия, известная антииммиграционной риторикой, призывала к его резкому ограничению [ibid.: 1903].

В России, где СМИ, многие эксперты и политики не на стороне мигрантов, а антииммиграционная нагруженность информационной среды весьма высока¹⁰, воздействие подобной риторики на ответы респондентов трудно переоценить, особенно если анкеты, а это не редкость, содержат «сильные» формулировки со словами «депортировать», «ограничить», «угрозы» и пр.

На наш взгляд, в международных сопоставлениях важнее поиск и анализ причин возникновения или усиления негативного отношения к мигрантам, нежели фиксация процентных долей недовольных миграцией в той или иной стране в тот или иной момент времени.

⁹ О развитии миграционного цикла и о стадиях привыкания см., например: [Semyonov, Rajjman, Gorodzeisky, 2006: 429, 430].

¹⁰ Этим, видимо, объясняется наличие значительного числа российских публикаций, посвященных роли СМИ в формировании образа мигранта. Между тем в ведущих англоязычных журналах статей подобной тематики найти не удалось. Встречаются лишь проходные упоминания этого сюжета в отдельных публикациях, обычно в связи с деятельностью правых партий.

Какие факторы провоцируют/усиливают мигрантофобию? Специфика России

Поиску причин негативного отношения к миграции и мигрантам, проверке и перепроверке соответствующих гипотез на различных выборках, на примере разных стран и их групп посвящено множество англоязычных научных публикаций по нашей теме. Это фактически магистральный сюжет, а отступления от него — лишь рама к большой картине.

Важную группу таких причин (факторов) можно назвать контекстуальными (*contextual*), или структурными; они характеризуют состояние общества, в котором проживают представители местного населения в целом или отдельные сообщества. В качестве таких потенциальных «провокаторов» негативного отношения к мигрантам чаще всего тестируются численность/доля мигрантов [Semyonov, Rajjman, Gorodzeisky, 2006]; уровень преступности и состояние общественной безопасности [Stefanizzi, Manzi, 2019]; экономическая ситуация в стране приема, измеряемая через рост ВВП, динамику безработицы, уровень развития регионов. Выделяется также набор политических факторов: активность правых партий, особенности политики интеграции и иммиграции; позиция СМИ [Hayes, Dowds, 2006; Rustenbach, 2010; Heath et al., 2020: 478—479].

Не менее важны и характеристики самого индивида, описывающие ее/его с разных сторон (*individual-level factors*). Во-первых, это ценности, опасения, убеждения, оценки ситуации и пр. Данный набор весьма велик и сводится к базовым теоретическим концептам, направленным на выяснение того, какой социальный тип личности в большей степени склонен к негативному восприятию миграции.

Вот обобщенная оценка влияния ряда личностных факторов на эту переменную, основанная на результатах многих исследований: «...неприятие иммиграции возрастает при чувстве большей социальной дистанции с иммигрантами, при завышенных оценках их численности, при более значительном ощущении исходящей от них угрозы (экономической или символической)... Индивиды, считающие, что их группа обделена по сравнению с мигрантами; те, кто разделяет идеи расизма (биологического или культурного), имеет националистические убеждения или же предпочитает ценности консерватизма ценностям универсализма, также, скорее всего, будут относиться к мигрантам более негативно» [Heath et al., 2020: 478].

К перечисленным характеристикам индивидов примыкает фактор политических ориентаций: приверженность правым взглядам с большой вероятностью сопровождается негативизмом по отношению к мигрантам в различных странах [Rustenbach, 2010; Careja, Andres, 2013; Bilodeau, Fadol, 2011].

Почти безотказный предиктор негативного отношения к мигрантам описывается поговоркой «У страха глаза велики» — речь идет о преувеличенной оценке принимающим населением их численности (*perceived size versus actual size*). Эта особенность реакции на приток мигрантов свойственна населению всех европейских стран, в которых проводилось Европейское социальное исследование, и Россия не исключение. Причем именно оценки численности мигрантов — обычно раздутые, а не реальное количество, — теснее всего связаны с антимиграционными настроениями [Heath et al., 2020: 482; Gorodzeisky, Semyonov, 2020; Leino, Himmelroos, 2020].

А. Марфук, комментируя эту закономерность на примере отношения к мусульманам в Европе, приводит предложенное рядом ученых выражение «платоническая исламофобия», что означает сильное неприятие практически отсутствующих в стране мусульман [Marfouk, 2019: 1752].

Во-вторых, причины негативного отношения к миграции и мигрантам могут также затрагивать коммуникационные особенности индивидов. Речь идет о доверии к людям, готовности к проживанию в мультиэтнической среде, к общению с представителями разных рас и культур (*attitudinal factors*). Гипотезы о связи этих факторов с восприятием мигрантов проверяются на основе теории контактов (*contact hypothesis*). Этот подход считается «одним из наиболее устойчивых концептов в социологии расовых и этнических отношений» [Hayes, Dowds, 2006: 456]. Предполагается, что общение с мигрантами (соседские, профессиональные, дружеские контакты) делает их восприятие принимающим населением более толерантным, хотя и в разной степени.

Такого рода зависимость подтверждена на материалах как западных, так и российских исследований¹¹. Однако нужно признать существование подводных камней при претворении в жизнь этой гипотезы — важно, какие контакты имеют место, между кем и кем, сколь часто, в каких условиях и пр. (подробнее см.: [Космарская, Савин, 2021: 105—107]).

Наконец, нельзя не упомянуть социально-демографические показатели: возраст, пол, уровень образования представителей принимающего общества. Западные ученые накопили большой материал о роли этих факторов в разных социально-политических условиях. Организаторы российских опросов также неизменно тестируют данные показатели на связь с уровнем мигрантофобии. Однако хотелось бы подчеркнуть, что даже очень «уверенные» предикторы мигрантофобии демонстрируют темпоральную и пространственную изменчивость — собственно, поэтому так много текстов написано о проверке различных факторов в разных социальных/локальных контекстах, на разных временных отрезках. Такого рода изменчивость тем более характерна для России, с ее разнообразием историко-культурных ландшафтов и резкой сменой этапов социально-экономического развития за последние 30 лет.

Если брать каждый из социально-демографических факторов сам по себе, то тут просматриваются определенные закономерности, во многом понятные на уровне здравого смысла. Так, по поводу возраста считается, что пожилые люди хуже относятся к мигрантам, а молодые, активные — позитивнее [Careja, Andres, 2013; Martinović, 2013]. Многократно подтвержденной гипотезой является также *human capital explanation* — связь уровня образования и антииммиграционных установок. Люди с высшим образованием, то есть более широким кругозором, обычно более позитивны [Rustenbach, 2010: 56, 66; Careja, Andres, 2013: 383; Bilodeau, Fadol, 2011: 1092, 1104; Marfouk, 2019: 1757, 1761; Leino, Himmelroos, 2020: 1903; Hooghe, Stiers, 2021: 709].

Что касается гендера, в некоторых работах его влияние обсуждается в рамках концепции культурной маргинальности (*cultural marginality*). Предполагается,

¹¹ История обоснования «контактной гипотезы» социально-психологическими методами показана в: [Варшавер, 2015]. Краткий обзор имеющихся социологических работ представлен в работе [Космарская, Савин, 2021: 95—97].

что женщины, как и другие члены (потенциально) дискриминируемых групп (представители религиозных меньшинств, дети от смешанных браков), воспринимают мигрантов позитивнее. Можно встретить и другое объяснение: женщины в меньшей степени уязвимы на рынке труда, поэтому более толерантны [Leino, Himmelroos, 2020: 1904]. Впрочем, есть исследования, не подтверждающие особую доброжелательность женщин к мигрантам по сравнению с мужчинами [Marfouk, 2019: 1762].

Также обращает на себя внимание следующее: если факторы тестируются в логической связке друг с другом, возникают отклонения от указанных схем. Выводы о роли того или иного фактора пересматриваются или уточняются по мере «приземления» анализа, учета локального своеобразия. Так, если говорить о роли возраста, при анализе ситуации не только в городах, но и в сельской местности Швеции выяснилось, что более всего подвержены исламофобии молодые люди из небогатых семей, родившиеся в провинции, где у них было мало возможности общаться с мигрантами [Bevelander, Otterbeck, 2010: 418].

Изучение связи между значимостью для людей разных форм идентичности и отношением к приезду в страну мигрантов на примере молодых людей и их родителей в г. Гент (Бельгия) удивило исследователей. Гипотеза, состоявшая в том, что молодежь, имея больше опыта проживания в поликультурной среде, более толерантна, не подтвердилась. Наибольшую неприязнь к мигрантам показали носители региональной, фламандской идентичности — родители и не в меньшей степени их дети 15—20 лет [Hooghe, Stiers, 2021: 712—714].

Казалось бы, значимость фактора образования незыблема, как скала. Однако бывают и отклонения от этого правила. В одной из статей на европейском материале изучались поколенческие различия в восприятии иммиграции с учетом фактора образования и активности в той или иной стране правых партий. Оказалось, что поколения, социализация которых проходила в период сильного мобилизующего воздействия на общество правой идеологии, наиболее негативно воспринимают мигрантов, причем роль образования в этом случае невелика [McLaren, Paterson, 2020]. Это означает, что идеологические убеждения могут нивелировать значение формального факта наличия диплома.

Существуют и структурные объяснения того, что фактор образования не всегда работает. Как показало исследование в Голландии, местные жители с высшим образованием могли бы относиться к мигрантам толерантнее, но этому препятствуют их ограниченные возможности общения с мигрантами, связанные с проживанием в благополучных городских районах [Martinović, 2013: 82—83].

В России есть особые нюансы в трактовке связи образования с мигрантофобией. Если в Европе высшее образование — признак достаточно высокого социального статуса и отсутствия чувства социальной депривации, у нас это совсем не так, особенно если речь идет о поколениях, получивших диплом вуза в советские и первые постсоветские годы. Когда Л. Гудков отмечает на материале опросов 1990-х — начала 2000-х годов, что в России наиболее нетерпимы к «чужим» женщины, особенно пожилые [Гудков, 2007: 70], вряд ли можно предположить, что эти женщины повально не имеют высшего образования. Если взять более поздний период, категория «бюджетник» также говорит в рассматриваемом контексте

сама за себя. Кстати, проанализированные Л. Гудковым опросы не подтверждают и вывод о якобы свойственной женщинам толерантности.

А вот В. Мукомель, опираясь на материалы более поздних исследований, во-первых, делает выводы о более доброжелательном отношении пожилых (объясняя его тем, что они помнят советские традиции дружбы народов); во-вторых, о повышенной толерантности женщин — вывод, который этот исследователь называет «тривиальным» [Мукомель, 2017: 36]. Автор настоящей статьи не согласилась бы с данным умозаключением: бывают «странные», на первый взгляд, отклонения. Например, результаты опроса жителей Москвы и россиян центром ПОМИР (2014 г., 600 и 1300 человек соответственно) в ходе реализации проекта NEORUSS¹² (при участии автора статьи) показали, что москвички практически по всем вопросам продемонстрировали более негативное отношение к мигрантам. При этом россиянки в целом, напротив, показали себя более толерантными. Объяснить эти различия позволили материалы интервьюирования москвичей в рамках того же проекта [Космарская, 2018: 196—197].

Итак, связь между антимиграционными настроениями и базовыми социально-демографическими характеристиками в целом понятна, но нужно иметь в виду ее высокую пространственно-временную изменчивость, зависимость от локальных условий. В этом отношении результаты российских и европейских исследований идентичны.

А как в России и Европе проявляют себя структурные причины мигрантофобии? В последние годы появились западные работы, в которых закономерности действия этих факторов проверяются на сопоставимом российском материале. По мнению Д. Бахри, изучившей ряд имеющихся исследований причин мигрантофобии в России, не наблюдается четкой обусловленности антимиграционных настроений факторами, которые уже зарекомендовали себя в качестве значимых в европейских странах (уровень образования местных жителей; их социально-профессиональный статус, политические взгляды) [Bahry, 2016: 897]. Группа израильских ученых, подвергнув многомерному анализу российские данные раунда ESS 2006 г., пришла к выводу, что показатели, описывающие социально-экономический статус индивида (в соответствии с моделью «конкуренции»), а также его/ее идеологические позиции (согласно «культурной» модели) — показатели, доказавшие свою эффективность как предикторы мигрантофобии среди европейцев, не «работают» в постсоветской России [Gorodzeisky, Glickman, Maskileyson, 2015: 129].

Эти ученые отмечают, что инструменты, предназначенные для незападных обществ, должны лучше улавливать специфику последних, быть «чувствительными к контексту» (*context-sensitive*) [ibid.: 128]. Имеется в виду анализ ксенофобии с учетом характера, стадий социальной эволюции таких обществ и соответствующих особенностей массового сознания, влияющих на восприятие миграции и мигрантов.

В России есть аналитические работы такого плана. Это, в частности, статья Л. Гудкова, где «нелюбовь к приезжим» анализируется сквозь призму радикальной

¹² Международный проект «Национальное строительство, национализм и новый „другой“ в современной России» (NEORUSS) был реализован при поддержке Исследовательского совета Норвегии (2013—2016, № 220599).

ломки социально-экономических устоев в первое десятилетие после распада СССР [Гудков, 2007]. Обращает на себя внимание также приближенная к реалиям уже современной России статья В. Мукомеля о мигрантофобии в связи с «культурой доверия» [Мукомель, 2014]. Однако «контекст», по нашему мнению, нужно понимать и как локальную/региональную специфику восприятия миграции, на что пока обращается недостаточно внимания как в России, так и в Европе.

Ближе к земле. Что могут дать качественные методы в локальном обрамлении?

подавляющее большинство западных работ по интересующей нас теме оперируют данными, полученными количественными методами по многим или нескольким странам, реализуя «взгляд сверху». Это позволяет увидеть обобщенную картину и обосновать статистическими методами выявленные закономерности (то есть понять, например, какие факторы неприятия мигрантов чаще всего «работают»). Уровень отдельной страны, и тем более отдельной локации, в рамках такого подхода исследователей обычно не интересует. Попытки сравнивать страны встречаются, но не часто. Стоит отметить недавнюю статью, в которой на основе данных последнего раунда ESS 2015 г. предлагается группировка европейских государств по уровню неприятия населением въезда мусульман (страны Северной, Западной и Восточной Европы) и по степени раскола национальных коллективов по отношению к проблеме миграции [Heath, Richards, 2020].

Довольно редки и статьи о ситуации в отдельных регионах внутри стран. В одной из работ на примере Германии показаны различия в восприятии иммигрантов жителями ее западной и восточной частей, в связке с численностью приезжих на той или иной территории [Molodikova, Lyalina, 2017]. Выше упоминались статьи о роли разных уровней идентичности в формировании отношения к иммигрантам в г. Гент, а также о восприятии социальной дистанции с ними жителями г. Турку [Hooghe, Stiers, 2021; Leino, Himmelroos, 2020]. Однако статьи такого рода, пусть даже в них задействован оригинальный местный материал (обследования домохозяйств, городские опросы и пр.), обычно не нацелены на поиск специфики той или иной территории (в контексте отношения ее жителей к мигрантам). Напротив, авторы задаются вопросом, в какой мере полученные ими результаты приложимы к другим европейским странам.

Принципиально иные подходы и иные возможности у авторов, использующих качественные методы, способные создать стереоскопичную картину сосуществования мигрантов с местными жителями на микроуровне и показать механизмы возникновения (усиления) мигрантофобии, в том числе связанные с историко-культурной и политико-экономической спецификой территории.

Безусловно, и количественные, и качественные методы изучения социальных процессов, будучи взаимодополняющими, имеют свои достоинства и ограничения. Но здесь стоит напомнить об определенных недостатках анкетирования, нацеленного на то, чтобы «измерить» и «обобщить», тогда как качественные методы дают шанс «прочувствовать» (неосознаваемое) и «приоткрыть» (невидимое). Тема восприятия миграции также полна «чувствительных», «ускользающих» моментов. Жанр личного интервью, к примеру, может помочь преодолеть неизменно слож-

ную проблему «каков вопрос — таков ответ», а также нивелировать воздействие публичного и политического дискурса на ответы информантов (хотя вряд ли этого можно добиться в полной мере)¹³.

Западные публикации по нашей теме с использованием качественных методов весьма немногочисленны. Однако они достойны быть упомянутыми еще и потому, что эти тексты обогащают проблемное поле новым набором концептов, отличных от тех, которые традиционно используются при работе с массовыми опросами (воспринимаемая угроза, восприятие социальной дистанции, модель конкуренции и др.). Наконец, знакомство с ними может вызвать интересные ассоциации с положением дел в России. Рассмотрим три примера.

Статья Л. Мейера, построенная на материалах интервью со старожилами пригорода Нюрнберга Вердерау, привлекает наше внимание к концептам «защищенного локального пространства» (*defended neighbourhood theory*) и «реакции на разнообразие» (*response to diversity*) [Meier, 2013]. В статье показано, как резкие изменения социального уклада на локальном уровне (смена собственника жилых кооперативов, ранее принадлежавших закрывшемуся машиностроительному заводу) привели к тому, что квартиры стали активно покупать люди со стороны, в том числе иноэтничные мигранты. Хотя они жили в Вердерау и раньше, местные старожилы-немцы через выборные рабочие советы устанавливали свои правила поведения, что способствовало эффекту этнокультурной гомогенизации: казалось, что этнических «других» в пригороде нет вообще [ibid.: 467].

После закрытия завода возможности старожилов контролировать жизнь местного сообщества оказались утраченными. Это привело к ослаблению прежних социальных связей и стимулировало рост неприязни к мигрантам, которые «вдруг» стали «заметными» [ibid.: 463; 464—465].

На наш взгляд, может оказаться интересным сравнение с нашими реалиями описанных в статье Л. Мейера социальных сдвигов (а это не только активизация миграции), под влиянием которых присутствующие в обществе «другие» «вдруг» становятся видимыми, порождая тревожность у принимающего населения. Речь идет именно о механизмах подобных сдвигов и о том, как могут «работать» названные концепты в разных страновых/городских контекстах, а не о прямом сравнении тех или иных родов.

К примеру, на макроуровне жизнь в социалистической Москве, в условиях государственного патернализма советского образца, также отличалась стабильностью и предсказуемостью. Другими стабилизирующими факторами выступали социальная гомогенность и дух дворовых сообществ, где «все друг друга знали» (как в Вердерау, см. название статьи Л. Мейера). На таком фоне «другие» были малозаметны (хотя Москва и в советское время отнюдь не была моноэтничным городом), но в ходе радикальных социально-политических трансформаций вкуче с притоком массы новых мигрантов они становятся более видимыми, возникает тревожное ощущение, что «их много»¹⁴.

¹³ Подробнее о познавательном потенциале качественных методов при изучении отношения к миграции см.: [Космарская, 2018: 188—191].

¹⁴ Подробнее о реакции москвичей на этнокультурное разнообразие по результатам качественного исследования см.: [Космарская, Савин, 2021: 102—104].

Британский исследователь Д. Свифт [Swift, 2021] предлагает посмотреть на ситуацию в Западном Йоркшире между 1962 и 1981 гг. — в период, когда после принятия ряда законодательных актов, регулирующих въезд рабочей силы из бывших колоний, в этот регион с развитой текстильной промышленностью устремились выходцы из Южной Азии (в основном из Пакистана). Опираясь на архивные материалы (прессу, отчеты муниципалитетов), а также записанные в 1980-х годах устные истории местных жителей, работавших на текстильных фабриках, автор пытается ответить на вопрос, в чем коренилась неприязнь (*hostility*) принимающего населения по отношению к прибывшим, занятым на тех же фабриках, если, судя по многочисленным данным, в регионе в тот период не наблюдалось конкуренции за рабочие места и социальные услуги, а также не было дефицита жилья. А ведь эти параметры, как справедливо отмечает Д. Свифт, показали себя во многих (количественных) исследованиях ключевым фактором недовольства мигрантами [ibid.: 2680—2681].

Внешне все выглядело так, что неприязнь местных жителей выплескивалась в форме культурных претензий к мигрантам (нормы гигиены, исламские обряды и пр.) [ibid.: 2675—2680]. Но автор предлагает более глубокое структурное объяснение, связывая реакцию местных рабочих с деиндустриализацией в регионе: «Враждебность была попыткой заместить в сознании все реалии упадка отрасли — заместить на уровнях местного социума, национальном и индивидуальном» [ibid.: 2681]. Этот вывод и сопровождающие его соображения автора, на наш взгляд, могут быть полезны при анализе причин недовольства мигрантами в локациях, переживающих экономической застой.

В статье есть еще одно заслуживающее внимания, на этот раз прогностическое, наблюдение. Оно касается того, как контакты с мигрантами могут помочь снижению уровня ксенофобии. Правда, эта дорога нелегка. В Йоркшире мигранты и местные рабочие трудились рядом друг с другом (*alongside*), на одних и тех же фабриках, однако в целом взаимодействие между ними, несмотря на интеграционные усилия местных властей, оставалось «спорадическим», две группы жили в своего рода параллельных мирах. И все же, по мнению Д. Свифта, у местных жителей и мигрантов в Йоркшире был шанс: «Если бы текстильное и другие виды производств сохранились, опыт нескольких поколений, работающих рука об руку, мог бы способствовать полноценной интеграции. Но этого не произошло, деиндустриализация усилила становление параллельных сообществ» [ibid.: 2680].

Аналогии с Россией, в частности с современной Москвой, на наш взгляд, очевидны: «параллельные миры», не очень эффективные попытки активистов и местных властей, выражаясь фигурально, «усадить мигрантов и местных жителей за один стол» (см., например: [Полетаев, 2018: 276—277; Космарская, 2018; Космарская, Савин, 2021]). Кроме того, в России мигранты занимают в основном особые ниши низкостатусного труда, а не работают «рука об руку» с местными жителями. Это обставляет претворение в жизнь «контактной гипотезы» дополнительными «но» и «если», поиску которых на микроуровне могут помочь качественные методы.

Статья Х. Мур [Moore, 2021] переносит нас в современную Англию, в деревню Мейфилд (название вымышленное) в графстве Вустершир, где издавна выращивались фрукты и овощи в промышленных масштабах. После расширения ЕС

в 2004 г. к этой работе, включающей много ручных трудоемких операций, вместо недовольных уровнем оплаты и условиями местных жителей начали массово привлекать сезонников из Центральной и Восточной Европы.

Автор, опираясь на результаты этнографических наблюдений (2010—2011 гг.) и серию глубинных интервью с жителями (почти все население деревни — белые британцы), ставит своей целью показать, как их локальная идентичность и восприятие локальной истории определяют их отношение к мигрантам. Именно так работает используемый автором концепт «имиджа места» (*place image*) [ibid.: 268—269].

Для жителей главное в образе деревни то, что она — «рабочая» (*working village*), по контрасту с соседними поселениями, существующими для туристов или построивших там «вторые дома» богатых горожан. При этом мигранты, которые «пашут и пашут», органично «вписываются» в разделяемый и одобряемый местными конструкт локальной идентичности, основанный на образе «деревни-труженицы». Местные, хотя сами и потеряли интерес к труду в садах и теплицах, хорошо знают, что это такое, и ценят вклад готовых вкалывать день и ночь мигрантов в «поддержание на плаву местной экономики» [ibid.: 274—277]. Вот почему, как полагает автор, в отношении к «пришлым» в Мейфилде нет неприязни с расистским уклоном, как во многих частях Британии на фоне Брексита. То, что здесь наблюдается, она называет «принятием» (*acceptance*), которое, впрочем, зиждется на определенных условиях и имеет свои пределы [ibid.: 278]¹⁵.

Статья интересна не только тем, что доказательно иллюстрирует важность перехода на локальный уровень при изучении восприятия мигрантов в той или иной стране. В российских дискуссиях об отношении к мигрантам не раз звучала мысль, что населению необходимо объяснять, чем они заняты в той или иной локации, чтобы люди понимали, в чем нужность их труда, и ценили его. С этим трудно спорить, но неплохо было бы задуматься и о том, соответствуют ли усилия мигрантов по строительству, реконструкции, перекладыванию бордюров и пр. тому «образу места» — микрорайона, парка, площади, — который сложился у обитателей этого «места». Вот так неожиданно проблема преодоления мигрантофобии сливается с проблемой наличия обратной связи между населением и местными властями.

Если обратиться к российским исследованиям, здесь пока очень мало работ, нацеленных на выявление локальной специфики восприятия миграции и мигрантов. Между тем каждый крупный российский город — это своеобразная площадка взаимодействия людей, различающихся местом рождения, культурой, языком, вероисповеданием и пр. На наш взгляд, нам очень не хватает сравнительных исследований, нацеленных не на создание усредненной общероссийской картины, а на поиск региональной специфики такого взаимодействия.

Имеющиеся тексты основаны лишь на массовых опросах. В статье об отношении к мигрантам в Екатеринбурге не ставится задача учета локального контекста

¹⁵ Присутствие в деревне сезонников незаметно и «необременительно» (*unobtrusive*); их работа, досуг и социальная жизнь замкнуты в пределах сельскохозяйственных предприятий. Кроме того, занимаемые ими рабочие места непривлекательны для местных жителей, а в качестве сезонных мигрантов они не претендуют на значимые для местных социальные услуги [Moore, 2021: 278].

ста; более того, авторы считают местную ситуацию типичной для России в целом [Бритвина, Могильчак, 2018]. Статью, где сравнивается ситуация в Томской и Владимирской областях, можно похвалить, на наш взгляд, за «честь попытки». Авторы вступили на новаторский путь, хотя надо признать, что пришли они к довольно тривиальному выводу о том, что более толерантное восприятие мигрантов в Томске обусловлено присутствием иностранных студентов, к которым относятся лучше, чем к трудовым мигрантам [Филькина, Булатова, 2019].

Попыткой выявить локальные особенности миграционной ситуации и отношения принимающего населения к мигрантам, а также показать познавательный потенциал качественных методов при решении этих задач, является статья автора, посвященная Москве и Краснодару [Космарская, 2018]. В этой работе, в противовес количественным методикам, вводится понятие «контекстуального» (фонового) фактора, тесно связанного в сознании респондентов с миграцией и отражающего ту специфику ситуации «вокруг мигрантов» в конкретном городе, которая слабо или вообще не улавливается массовыми опросами¹⁶.

Москвичи рассматривали миграцию в основном сквозь призму социально-политических и экономических аспектов российской/городской жизни (коррупция и теневые практики использования труда мигрантов), в то время как в Краснодаре в фокусе внимания информантов были социо- и этнокультурные моменты. Так, своеобразным символом культурного вызова местному укладу жизни большинство из них назвали исполнение лезгинки в публичных местах города. Анализ рассказов информантов позволил нащупать важные глубинные причины социокультурного напряжения в отношениях краснодарцев и ассоциируемых с лезгинкой этнических «других». Это, в частности, представления русских о своей «этнической культуре»; локальные проявления «культурного расизма», а также известные механизмы возникновения этнической неприязни («культурное непонимание» и различия в статусных позициях) [там же: 201—206].

В качестве итога хотелось бы еще раз подчеркнуть, что использование качественных методов, отдельно или в сочетании с массовым опросом, представляет собой весьма перспективное направление будущих исследований восприятия миграции жителями российских регионов, особенно с учетом того, что численность мигрантов, снизившаяся из-за пандемии COVID-19, восстановилась и даже возросла¹⁷. Вместе с тем сохраняющийся дефицит рабочей силы в некоторых отраслях; появление новых ниш занятости, в которых мигранты взаимодействуют непосредственно с населением, в сочетании с социально-экономическими последствиями пандемии и текущего геополитического кризиса, которые, несомненно, скажутся на доходах россиян, уровне безработицы и пр., будут способствовать сохранению актуальности рассмотренной проблемы в кратко- и среднесрочной перспективе.

¹⁶ Качественное исследование в двух городах было проведено в рамках проекта NEORUSS (см. выше), и у автора была возможность сравнить результаты персонального интервьюирования с опросами населения, проведенными в этих же городах центром РОМИР (2014 г.).

¹⁷ См., например: Юршина М. Нужно ли менять законы из-за притока трудовых мигрантов в Россию // Профиль. 2022. 6 сентября. URL: <https://profile.ru/society/menyat-li-zakonodatelstvo-iz-za-pritoka-trudovyh-migrantov-v-rossiju-1154111> (дата обращения: 10.09.2022).

Список литературы (References)

- Аблажей Н. Н. Образ трудового мигранта в прессе и массовом сознании россиян // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. № 6. С. 17—23.
Ablazhey N. N. (2012) The Image of a Work Immigrant in the Press and in the Mass Thinking of Russians. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. Vol. 11. No. 6. P. 17—23. (In Russ.)
- Арутюнова Е. М. Отношение к мигрантам в России и Европе: сравнительный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2008. № 3. С. 68—73.
Arutyunova E. M. (2008) Perception of Migrants in Russia and in Europe: Comparative Analysis. *RUDN Journal of Sociology*. No. 3. P. 68—73. (In Russ.)
- Бритвина И. Б. Могильчак Е. Л. Типология жителей российского мегаполиса по отношению к иноэтничным мигрантам // Мир России. 2018. Т. 27. № 1. С. 114—134. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-114-134>.
Britvina I., Mogilchak T. (2018) The Typology of Citizens of a Russian Megapolis According to their Attitudes to Migrants of Different Ethnicities. *Mir Rossii*. Vol. 27. No. 1. P. 114—134. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-114-134>. (In Russ.)
- Варшавер Е. А. Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5. С. 183—214. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.5.13>.
Varshaver E. A. (2015) Contact Theory: Review. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 183—214. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.5.13>. (In Russ.)
- Гудков Л. Почему мы не любим приезжих? // Мир России. 2007. Т. 16. № 2. С. 48—82. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/5178> (дата обращения: 19.10.2022).
Gudkov L. D. (2007) Why Do We Dislike the Non-Residents? *Mir Rossii*. Vol. 16. No. 2. P. 48—82. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/5178> (accessed: 19.10.2022). (In Russ.)
- Дробижева Л. М. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 80—90.
Drobizheva L. M. (2015) The Potential of Interethnic Consent. Comprehension of the Concept and Social Practice in Moscow. *Sociological Studies*. No. 11. P. 80—90. (In Russ.)
- Зверева Н. Дискурсы о мигрантах в современной российской прессе: стратегии борьбы за значение // Новое литературное обозрение. 2014. № 4. С. 88—96.
Zvereva N. (2014) Discourse on Migrants in the Contemporary Russian Media: Strategies of Struggle for the Meaning. *New Literary Observer*. No. 4. P. 88—96. (In Russ.)
- Космарская Н. П. «Коррупция», «толпы» и «лезгинка»: региональная специфика отношения россиян к мигрантам (на примере Москвы и Краснодара) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 2. С. 187—213. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.7>.

Kosmarskaya N. (2018) «Corruption», «Crowds» and «Lezginka»: Regional Specifics of Attitudes Towards Migrants in Present-Day Russia (the Case-Study of Moscow and Krasnodar). *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 21. No. 2. P. 187—213. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.7>. (In Russ.)

Космарская Н. П., Савин И. С. Отношение москвичей к мигрантам сквозь призму контактной гипотезы // Этнографическое обозрение. 2021. № 1. С. 94—111. <https://doi.org/10.31857/S086954150013600-0>.

Kosmarskaya N. P., Savin I. S. (2021) Perception of Migrants by Muscovites Through the Lens of the Contact Hypothesis. *Ethnographic Review*. No. 1. P. 94—111. <https://doi.org/10.31857/S086954150013600-0>. (In Russ.)

Малахов В. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: НЛО, 2007.

Malakhov V. (2007) Descended on Us... Essays on Nationalism, Racism and Cultural Pluralism. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.)

Миграция и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений / под ред. В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2016.

Stepanov V. V. (ed.) (2016) Migration and Migrants in Russia and Worldwide: Socio-Anthropological and Ethnographic Observations. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS. (In Russ.)

Мукомель В. И. Ксенофобия и мигрантофобии в контексте культуры доверия // Мир России. 2014. Т. 23. № 1. С. 137—166.

Mukomel V. I. (2014) Xenophobia in the Context of Culture of Trust. *Mir Rossii*. Vol. 23. No. 1. P. 137—166. (In Russ.)

Мукомель В. И. Ксенофобы и их антиподы: кто они? // Мир России. 2017. № 1. С. 32—57.

Mukomel V. I. (2017) Xenophobes and their Opposites: Who Are They? *Mir Rossii*. Vol. 26. No. 1. P. 32—57. (In Russ.)

Полетаев Д. От настороженности к неприязни: динамика отношения в России к трансграничным трудовым мигрантам в 2002—2016 гг. // От века бронзового до века цифрового: феномен миграции во времени / под ред. С. А. Панарина. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2018. С. 267—284.

Poletaev D. (2018) From Concern to Enmity: Change of Attitudes Toward Transnational Labor Migrants in Russia in 2002—2016. In: S. Panarin (ed.). From the Bronze Age to the Digital Era: Temporal Dimension of Migration. Barnaul: Altai University Press. P. 267—284. (In Russ.)

Расизм в языке социальных наук / под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алетейя, 2002.

Voronkov V., Karpenko O., Osipov A. (eds.) (2002) Racism in the Language of Social Science. Saint Petersburg: Aletheia. (In Russ.)

Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... / сост. и отв. ред. Е. Деминцева. М.: НЛО, 2013.

Demintseva E. (ed.) (2013) *Racism, Xenophobia, Discrimination Through the Authors Eyes*. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.)

Регамэ А. Образ мигранта и миграционная политика в России // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 389—406.

Regamey A. (2010) Representations of Migrants and Migration Policy in Russia. *Forum for Anthropology and Culture*. No. 13. P. 389—406. (In Russ.)

Толерантность против ксенофобии (зарубежный и российский опыт) / под ред. В. И. Мукомеля, Э. А. Паина. Moscow: Academia, 2005.

Mukomel V., Pain E. (eds.) (2005) *Tolerance versus Xenophobia (Foreign and Russian Experience)*. Moscow: Academia. (In Russ.)

Фабрикант М. С. Исследования общественного мнения о мигрантах в современной России: «предложение» нациестроительства или «спрос» на гордость страной? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 47—60. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.04>.

Fabrykant M. S. (2017) Research on Public Opinion about Migrants in Contemporary Russia: Supply of Nation-Building or Demand for National Pride? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 47—60. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.04>. (In Russ.)

Филькина А. В., Булатова Т. А. Региональная специфика отношения к мигрантам (на материалах Томской и Владимирской областей) // Сибирский социум. 2019. Т. 3. № 4. С. 17—37. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2019-3-4-17-37>.

Filkina A. V., Bulatova T. A. (2019) Regional Features of Migrants' Treatment (The Case of the Tomsk and Vladimir Regions). *Siberian Socium*. Vol. 3. No. 4. P. 17—37. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2019-3-4-17-37>. (In Russ.)

Шнирельман В. Лукавые цифры и обманчивые теории: о некоторых современных подходах к изучению мигрантов // Вестник Евразии. 2008. № 2. С. 125—150.

Shnirel'man V. (2008) Sly Figures and Delusive Theories: on Some Present-Day Approaches to the Study of Migration. *Acta Eurasica*. No. 2. P. 125—150. (In Russ.)

Bahry D. (2016) Opposition to Immigration, Economic Insecurity and Individual Values: Evidence from Russia. *Europe-Asia Studies*. Vol. 68. No. 5. P. 893—916. <https://doi.org/10.1080/09668136.2016.1178710>.

Bevelander P., Otterbeck J. (2010) Young People's Attitudes Towards Muslims in Sweden. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 33. No. 3. P. 404—425. <https://doi.org/10.1080/01419870802346048>.

Bilodeau A., Fadol N. (2011) The Roots of Contemporary Attitudes Toward Immigration in Australia: Contextual and Individual Level Influences. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 34. No. 6. P. 1088—1109. <https://doi.org/10.1080/01419870.2010.550630>.

Böltken F. (2003) Social Distance and Physical Proximity: Day-to-Day Attitudes and Experiences of Foreigners and Germans Living in the Same Residential Areas. In: Alba R., Schmidt P., Wasmer M. (eds.). *Germans or Foreigners? Attitudes Toward Ethnic Minor-*

ities in Post-Reunification Germany. N.Y.: Palgrave MacMillan. P. 233—254. https://doi.org/10.1057/9780230608825_11.

Careja R., Andres H.-J. (2013) Needed but Not Liked — the Impact of Labor Market Policies on Natives' Opinions about Immigrants. *International Migration Review*. Vol. 47. No. 2. P. 374—413. <https://doi.org/10.1111/imre.12024>.

Gorodzeisky A., Glickman A., Maskileysen D. (2015) The Nature of Anti-Immigrant Sentiment in Post-Soviet Russia. *Post-Soviet Affairs*. Vol. 31. No. 2. P. 115—135. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2014.918452>.

Gorodzeisky A. (2019) Opposition to Immigration in Contemporary Russia. *Post-Soviet Affairs*. Vol. 35. No. 3. P. 205—222. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2018.1534473>.

Gorodzeisky A., Semyonov M. (2020) Perceptions and Misperceptions: Actual Size, Perceived Size and Opposition to Immigration in European Societies. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 46. No. 3. P. 612—630. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1550158>.

Hayes B. C., Dowds L. (2006) Social Contact, Cultural Marginality or Economic Self-Interest? Attitudes Towards Migrants in Northern Ireland. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 32. No. 3. P. 455—476. <https://doi.org/10.1080/13691830600554890>.

Heath A., Davidov E., Ford R., Green E. G. T., Ramos A., Schmidt P. (2020) Contested Terrain: Explaining Divergent Patterns of Public Opinion Towards Immigration Within Europe. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 46. No. 3. P. 475—488. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2019.1550145>.

Heath A., Richards L. (2020) Contested Boundaries: Consensus and Dissensus in European Attitudes to Migration. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 46. No. 3. P. 489—511. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1550146>.

Hooghe M., Stiers D. (2021) Regional Identity and Support for Restrictive Attitudes on Immigration. Evidence from a Household Population Survey in Ghent (Belgium). *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 44. No. 4. P. 698—717. <https://doi.org/10.1080/01419870.2020.1782962>.

Leino M., Himmelroos S. (2020) How Context Shapes Acceptance of Immigrants: The Link Between Affective Social Distance and Locational Distance. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 43. No. 10. P. 1890—1908. <https://doi.org/10.1080/01419870.2019.1665696>.

Marfouk A. (2019) I am Neither Racist or Xenophobic, But: Dissecting European Attitudes Towards a Ban on Muslims' Immigration. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 42. No. 10. P. 1747—1765. <https://doi.org/10.1080/01419870.2018.1519585>.

Martinović B. (2013) The Inter-Ethnic Contacts of Immigrants and Natives in the Netherlands: A Two-Sided Perspective. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 39. No. 1. P. 69—85. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2013.723249>.

- McLaren L., Paterson I. (2020) Generational Change and Attitudes Towards Immigration. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 46. No. 3. P. 665—682. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1550170>.
- Meier L. (2013) Everyone Knew Everyone: Diversity, Community Memory and a New Established-Outsider Figuration. *Identities: Global Studies in Culture and Power*. Vol. 20. No. 4. P. 455—470. <https://doi.org/10.1080/1070289X.2013.822377>.
- Molodikova I. N., Lyalina A. V. (2017) Territorial Differences in the Attitudes to the Migration Crisis in Germany: The Political Aspect. *Baltic Region*. Vol. 9. No. 2. P. 60—75. <https://doi.org/10.1080/10.5922/2079-8555-2017-2-5>.
- Moore H. (2021) Perceptions of Eastern-European Migrants in an English Village: The Role of the Rural Place Image. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 47. No. 1. P. 267—283. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2019.1623016>.
- Piekut A. (2021) Survey Nonresponse in Attitudes Towards Immigration in Europe. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 47. No. 5. P. 1136—1161. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2019.1661773>.
- Rustenbach E. (2010) Sources of Negative Attitudes Toward Immigrants in Europe: A Multi-Level Analysis. *International Migration Review*. Vol. 44. No. 1. P. 53—77. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2009.0079>.
- Semyonov M., Rajzman R., Gorodzeisky A. (2006) The Rise of Anti-Foreigner Sentiments in European Societies, 1988—2000. *American Sociological Review*. Vol. 71. No. 3. P. 426—449. <https://doi.org/10.1177/000312240607100304>.
- Stefanizzi S., Manzi G. (2019) Populism and Perceived Threat of Immigration. *Discover Society*. January 02. URL: <https://archive.discover society.org/2019/01/02/populism-and-perceived-threats-of-immigration/> (accessed: 22.10.2022).
- Swift D. (2021) Competition or Culture? Anti-Migrant Hostility and Industrial Decline: The Case of West Yorkshire, 1962—1981. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 47. No. 11. P. 2668—2684. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2019.1573663>.
- Tunon M., Baruah N. (2012) Public Attitudes Towards Migrant Workers in Asia. *Migration and Development*. Vol. 1. No. 1. P. 149—162. <https://doi.org/10.1080/21632324.2012.718524>.